

Островок

Вот и стало хорошо, где нас нет.
Стерли память в порошок жернова.
Сколько зим, ты говоришь, сколько лет?
Между строчек проросла трин-трава, —

Ни проехать, ни пройти... Что с того,
Что нам выпало летать между звезд?
В океане есть один островок,
На который путь один — звездный мост.

Там на острове зима не зима,
Там в ночи все те же песни звучат.
Там шиповник, резеда, бузина,
И рассветом край земли не почат.

Там тропа тебя ведет, как сестра.
Крепко за руку держа, — не споткнись!
Там ушедшие друзья у костра
Вечерами пьют, как прежде, за жизнь.

С ними холодно-тепло-горячо
Нам на этом берегу тишины.
Но внезапно тронет ночь за плечо:
Там, где нет нас, — хорошо. Где же мы?

Все пройдет, ты говоришь, все пройдет,
И рассвет перехлестнет через край.
Мост качнется, — и звезда упадет.
Загадай вернуться в срок, загадай.

Время все чаще приносит печальные вести,
Не прибавляя ни песен, ни встреч, ни улыбок.
Кружку по кругу не пустишь: собравшимся вместе
Не за что выпить. И круг этот зябок и зыбок.

Выйдешь из дома за хлебом — вернешься не скоро.
Хлеб нынче горек, — а сладким он, в сущности, не был.
Выйдешь — с холма обернись и запомни свой город.
Просто запомни, что вышел ты просто за хлебом.

Нет, не бывает разлук на минуту, на вечер!
Если разлука — навечно. И даже при встрече,
Руку пожав, ощущаешь — расстались навечно,
Встретились поздно, другими, остались далече.

Время подкинет козырные новые карты.
Время обманет, но честно, — ты знал, что обманет.
Что ж ты стремился в поэты, в художники, в барды?
Все эти песни, картины растают в тумане.

Вот и стоишь ты на старой разбитой дороге.
Вот и не в силах шагнуть. Где найти эти силы?
Надо идти: подгоняют пропетые строки,
Гонят мазки на холсте, — будь уверенней, милый!

Ты же так смело писал о любви и о смерти.
Ты же все знал о расплате за смелость такую.
Что же — иди и не бойся земной круговерти.
Время подарит тебе круговерть неземную...

Все меньше нас на этом берегу,
Все крепче держат нити Гулливера.
Подчинена иным понятиям вера.
Я ничего поделать не могу...

Писать и петь бессмысленно уже,
Кричать или шептать нет смысла тоже.
Дешевле стала жизнь, а смерть дороже,
И мира нет ни в мире, ни в душе.

Впрямую, мой ангел, посиди
Вдвоем со мной на старой доброй кухне.
Пока над головой снаряд не ухнет,
Свети, моя коптилочка, свети.

Все горше человеческий исход,
От страха ночью вздрагивают дети,
Блокадная зима на всей планете,
Безумие и боль. Проклятый год...

Все меньше нас. И все же — не грусти.
И все же — улыбнись, взмахни крылами,
Мой ангел, — ты всегда был между нами
Посредником и светом на пути.

Стикс подо льдом. А где-то в глубине
Горит свеча упавшею звездой.
Когда я стану дымом над водою,
Лишь ты, быть может, вспомнишь обо мне.

Кораблик

Возвратился стойко выдержавший бури
Мой кораблик из тетрадного листа.
Я родился в Комсомольске-на-Амуре, —
Значит, буду комсомольцем лет до ста.

Город детства, оглянуться не успел ты, —
Птичья стая твой покинула порог.
Было тесно, — но широкие проспекты
Выводили к камню между трех дорог.

Три дороги — это три мои стихии:
Ветер, волны и земная круговерть.
Над страной годы пронеслись лихие,
Обрекая на свободу или смерть

Наши песни. Все, чем жили мы когда-то,
Стало хрупким, ненадежным и смешным.
Разлетелись комсомольские ребята,
Путь обратный стал опасно-затяжным...

По теченью речки Силинки кораблик
Мчится-мчится. Знать бы, кто там у руля!..
Возвратиться хоть на пару дней пора мне
К синим сопкам, где везде своя земля.

И по Дземгам, перестроенным за годы,
Но все тем же, прогуляться налегке.
Память — пристань, где ни смерти, ни свободы, —
Лишь кораблик в детской маленькой руке.

Строй свой дом, ребенок

Раздаются залпы по любви и вере.
Убегая в завтра, прошлое оставь мне.
Строй свой дом, ребенок, — золотые двери.
Строй свой дом, ребенок, — голубые ставни.

Этот мир опасен, этот воздух черен.
Эти люди снова предают планету.
Строй свой дом, ребенок, из небесных зерен.
Из неясных звуков и дороги к лету.

Странная картина мира получилась:
Темные у власти, свету негде взяться.
Глухо все и слепо... Но скажи на милость —
Почему все так же людям песни снятся?

Выразить словами эту боль непросто,
Но куда деваться, если нет спасенья?
Строй свой дом, ребенок. Я к тебе на остров
Прилечу однажды аж до воскресенья.

Ты мне все расскажешь, под зеленой крышей
Будет нам спокойно. И неважно то, что
Мне потом обратно улетать — все выше.
Мне с тобой остаться будет невозможно.

Море заискрится — и в ладонях лета
Флюгерок закружат солнечные ветры.
Строй свой дом, ребенок, из добра и света.
Строй свой дом, ребенок, из любви и веры.

— Сегодня опять стреляли, из дома не выходи.
Держи телефон поближе. К двенадцати я приду.
— Да что ты! Такие звезды на Млечном лежат пути,
— Весна на дворе такая, сирень уже вся в цвету.

А помнишь, как мы бродили у моря — какой был год?
Ты мне подарил ракушку — она и теперь со мной.

— На площади снова митинг, по центру бузит народ.
К окошку не приближайся и шторы плотной закрой.

— Да что ты, тут все спокойно! Я только лишь час назад
Выскакивала за хлебом. Какая стоит жара!

— Я возле метро, я еду. Здесь выгрузили солдат.
На площади рвут петарды, жгут флаги, кричат «ура».

Сирень облетает. Ветер в распахнутое окно
Ее лепестки бросает и шепчет: «Вернись ко мне!»
А мир — он, конечно, будет когда-нибудь все равно.
А время неумолимо стирает следы с камней.

Поэты Победы

Поэты Победы, не все до Победы дошли вы,
В стихи переплавив суровую прозу войны:
Окопное братство, октябрь подмосковный дождливый,
Снега Сталинграда, ветра черноморской весны.

Романтики мало... Ремни натирают ключицы,
В нагрудном кармане — блокнот и простой карандаш.
Уходят в атаку Гудзенко, Сурков и Кульчицкий,
Твардовский и Симонов свой покидают блиндаж.

Блокадная вьюга врывается в двери парадных.
Лучи пробивают ревущее небо насквозь.
Но жив Ленинград, несмотря на потери и раны.
Ни ноты отчаянья в голосе Ольги Берггольц.

На фронт медсестрой добровольно и после раненья
Поэт Юлия Друнина рвется, — война есть война.
Неведомо ей, что наступит в стране безвременье
Полвека спустя, — и уйдет добровольно она...

Самойлов и Слуцкий, Старшинов и Межиров будут
В стихах возвращаться туда, где их бой не затих.
Где гирями глина порой нарастала по пуду
На сорок-растоптанных кирзовых, не щегольских.

Мерцает экран. Черно-белая кинокартина
Цвета обретает со временем — вот парадокс!
Поэт Павел Коган погиб, но его бригантина
И в новом столетии так же плывет между звезд.

Поэты Победы, романтики мало и ныне.
Война где-то рядом: протянешь ладонь — обожжет.
И держится связь наших песен с годами иными,
Пока твой товарищ строку для тебя бережет.

Колыбельная маяка

Шторма утихают. Она закрывает глаза.
Из рук ее выскользнув, падает на пол тетрадь.
Ведь должен же быть кто-то «против», где все — только «за»!..
Ведь должен же кто-то огонь маяка зажигать!

В портовой таверне гуляет фартовый народ.
Всевышний беспечно следит за вращеньем планет.
А рында рыдает в ночи и на помощь зовет.
На помощь зовет, — и как будто спасения нет...

Зажала в тиски нашу Землю холодная тьма,
И колет шипами штурвальная роза ветров.
Но должен быть кто-то, еще не сошедший с ума
В тоске сумасшедшей, в безумии шумных пиров!

Она открывает глаза. Здесь никто никому
Не должен, конечно. Но кто-то стоит у руля, —
И тоненький луч прорезает кромешную тьму,
И радостный крик раздается: «По курсу — земля!»

Все верно, все правильно. Делай, что нужно, — и пусть
Рассвет будет ярким, а море — спокойным, пока
Она видит сны, тот корабль отправляется в путь,
На крыльях своих унося свет ее маяка.

Портовый шум

За стеною посудой гремит сосед,
Бьет капель в жестяной карниз.
Выходя из себя, выключаю свет,
По перилам съезжаю вниз.

Я съезжаю с ума, как фартовый шут,
Подшутивший сам над собой.
Я съезжаю туда, где портовый шум
И весна, что ушла в запой.

Боцман — старый прокуренный контрабас —
Прогудит на ходу: «Салют!»
Это город мне дарит последний шанс
К тем вернуться, кого люблю:

К переулкам, мостам, проходным дворам,
К белым чайкам над головой
И к туманам, густеющим по утрам
Над Светланской и Луговой.

Это я, мой друг, двадцать лет назад
Открывающий все пути.
Это я — твой выбывший адресат.
Ты меня в толчее найди.

Я стою у аптеки, ловлю такси.
А что будет со мной не так —
Ты, портовый город, меня спаси
И подай мне при встрече знак.

Скажет город в ответ: «Оглянись давай!
Вот он, знак, не проспи его:
У «Зеленой лампы» свернул трамвай.
Рельсов нет? Ну и что с того!

Зря ли вечно, сумеркам вопреки,
Ищешь ты в облаках просвет?
Посмотри: сквозь пальцы твоей руки
Океанский течет проспект».

Я стою, улыбаясь. Спасибо, друг.
Что о жизни напомнил мне!
Вот афишка полощется на ветру —
Мой сигнальный флажок весне.

Я по старым сходням с ума схожу
В синий ветренный окоем.
И меня обнимает портовый шум,
И я вмиг растворяюсь в нем.

